

должна была с этим считаться. Если первоначально в Петербург направлялись далеко не профессиональные дипломаты, то, столкнувшись с поражением и даже провалом их миссий, Лондон стал заменять их на более опытных послов. Однако получилось так, что Екатерина II скорее сама использовала англичан (к примеру, их помощь в русско-турецкой войне 1768–1774 гг.), нежели позволяла втягивать себя в интриги, направленные против России (с. 452). Благодаря искусной внешней политике Екатерины II международное значение России поднялось на новый уровень. Без участия Петербурга больше уже не могли заключаться союзы и вестись переговоры с другими государствами. С Россией теперь были вынуждены считаться все ведущие европейские державы (с. 453).

К недостаткам работы можно отнести отсутствие в монографии анализа переписки и оценки деятельности послов Аллейна Фицгерберта, 1-го барона Сайнт-Хеленс и Чарлза Уитворта (он ошибочно назван графом), находившихся в России в последнее десятилетие долгого правления Екатерины II, на период которого пришлось немало ключевых событий европейской истории, а также реализация давней мечты Лондона — заключение нового союзного договора с Россией. Все это оставляет у читателя некое чувство недосказанности и незавершенности. Автор сама упоминает об этом, сетуя на отсутствие переписки этих послов в российских книгохранилищах, и выражает надежду,

что исследование данной проблемы еще получит свое продолжение (с. 455).

Однако, принимая во внимание, что исследование является обобщающим, следует отметить, что в нем весьма полно воссоздана непростая картина англо-русских взаимоотношений в период правления Екатерины II. Можно констатировать, что новая монография Т.Л. Лабутиной заполняет имеющийся пробел в отечественной историографии, является актуальной и основательно фундаментальной научной работой.

Библиография

Лабутина Т.Л. Англичане в допетровской России. СПб., 2011.

Лабутина Т.Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013.

Лабутина Т.Л. Английские «рыцари плаща и кинжала» при дворе Екатерины II // Новая и новейшая история. 2019. № 5. С. 37–56.

References

Labutina T.L. Anglichane v dopetrovskoi Rossii [Englishmen in pre-Petrine Russia]. Sankt-Peterburg, 2011. (In Russ.)

Labutina T.L. Britantsy v Rossii v XVIII veke [Britons in Russia in the XVIII century]. Sankt-Peterburg, 2013. (In Russ.)

Labutina T.L. Angliiskie “rytsari plashcha i kinzhala” pri dvore Ekateriny II [English “knights of the cloak and dagger” at the court of Catherine II] // Novaia i noveishaia istoriia [Modern and Contemporary History]. 2019. № 5. S. 37–56. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640013393-0

© 2021 г. А.Б. Соколов

ПРЕСТУПНОСТЬ И НАКАЗАНИЯ В АНГЛИИ XVIII века

Рец. на книгу: С. Васильева, И. Эрлихсон. ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ В АНГЛИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XVIII века.

Очерки интеллектуальной истории. СПб.: Алетейя, 2020, 484 с.

Соколов Андрей Борисович — доктор исторических наук, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

E-mail: sokolov_1457@mail.ru

Researcher ID: AAF-6283-2019

A.B. Sokolov

CRIME AND PUNISHMENT IN ENGLAND IN THE 18th century

Rec. ad op.: S. Vasilieva, I. Ehrlichson. CRIME AND PUNISHMENT IN ENGLISH SOCIAL THOUGHT OF THE 18th century. Essays on intellectual history. Saint-Petersburg: Aletheia, 2020, 484 p.

Andrey Sokolov, Yaroslavl State Pedagogical University Named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).

E-mail: sokolov_1457@mail.ru

Researcher ID: AAF-6283-2019

Книга рязанских историков Светланы Васильевой и Ирины Эрлихсон в серии *Pax Britannica* продолжает традицию изучения просветительской мысли. После появления работ М. Фуко и возникновения новой культурной и новой социальной истории тема преступности и наказания стала одним из приоритетов современной историографии. Достоинством работы является обращение к относительно малоизвестным авторам XVIII в.; в тех случаях, когда речь идет о знаменитостях (например, Д. Дефо или Г. Филдинг), предметом изучения стали труды, прежде находившиеся на периферии исследований.

С. Васильева и И. Эрлихсон определили жанр книги как «Очерки». Это позволяет снять вопросы, связанные с выбором «действующих лиц», объясняет ограничения, которые авторы книги наложили на себя в плане использования источников, сконцентрировавшись на политических сочинениях, памфлетах и других литературных произведениях. Книга написана на основе серьезной историографической работы. Библиографический список литературы составил, не считая источников, около 400 наименований. Видимо, все эти труды имели для авторов значение. Однако в нем отсутствует монография видного английского историка-марксиста Э. Томпсона «Виги и охотники» (Лондон, 1975), с которой фактически началась «новая история преступности» в британской историографии. Можно приветствовать намерение придать «Преступлению и наказанию» междисциплинарный характер. Авторы подчеркивают интерес к теоретическому осмыслению темы, используют труды по праву и криминологии, по литературоведению, по общей и социальной психологии, психоанализу.

Рецензируемая книга состоит из девяти разных по объему глав, структурированных (за исключением первой) по персональному принципу. Глава первая содержит анализ известного как «Ньюгейтский календарь» сборника биографий преступников, описаний их преступлений и казней. Эти криминальные истории, некий вид детективной литературы невысокого уровня, но имевшей назидательный подтекст. Они издавались на сотнях страниц каждой почти до середины XIX в. и представляли собой весьма дорогие издания, недоступные низам. Рассказы составлялись на основе разных материалов, в том числе

протоколов Лондонского уголовного суда. «Ньюгейтские календари» трудно отнести к разряду «общественной мысли», но поскольку С. Васильева и И. Эрлихсон заявили о следовании принципам (новой) интеллектуальной истории, весьма расширительно трактующей продукт интеллектуальной деятельности людей, выхода за рамки темы здесь не усматривается. Авторы использовали некоторые части «Ньюгейтского календаря» и провели классификацию отраженных в нем преступлений по видам и с учетом гендерного признака (с. 66, 93). Авторы хорошо понимают, что данный источник имеет литературный характер, содержит выдуманные эпизоды и требует осторожного отношения.

Во второй главе авторы рассмотрели три написанных в 1720-х годах публицистических произведения Д. Дефо, одно из которых принадлежит его перу предположительно. Наибольший интерес представляет изданный под псевдонимом памфлет, его название переведено как «Вторичные мысли – самые лучшие, или совершенствование последней схемы по предотвращению уличных разбоев». С. Васильева и И. Эрлихсон трактуют это сочинение как буржуазное по духу, что проявилось, в частности, в презрительном отношении к низам, Дефо обвиняет их в падении нравов и создании «криминогенной обстановки». Утверждение, что Дефо глубоко раскрыл социально-экономические корни преступности, представляется преувеличением, ведь он, как и подавляющее большинство современников, видел их в низкой морали бедноты и алкоголе. Далее рассмотрены написанные Дефо биографии знаменитых преступников XVIII в. Джона (Джека) Шеппарда и Джонатана Уайлда. В первом случае авторство Дефо неочевидно, на что указывают авторы, но, в конце концов, принимают как установленный факт.

Третья глава посвящена сочинению Бернарда Мандевилля «Расследование о причинах частых казней в Тайберне»; его заслуга, по мнению авторов, в том, что он первым сформулировал принцип неотвратимости наказания, являясь в этом предшественником Ч. Беккариа. В четвертой главе обстоятельно рассмотрен вклад Генри Филдинга в изучение причин преступности. Он, как известно, был не только писателем, автором «Истории Тома Джонса, найденыша», но и судьей, одновременно руководившим в Лондоне полицейской

работой. С. Васильева и И. Эрлихсон характеризуют Филдинга как реформатора-практика и как теоретика. Они особенно высоко оценили труд 1751 г. «Исследование причин недавнего роста грабежей» как «один из самых глубоких общественных трактатов середины XVIII столетия», содержащий «конкретные и конструктивные идеи» по борьбе с преступностью (с. 282). Между тем не стоит сбрасывать со счетов, что Филдинг писал свои сочинения на эту тему по заказу властей, давая угодную им интерпретацию, и именно за лояльность получил доходную синекуру. Он недаром догадывался, что «низкие люди» «бросят ему упрек в лести и восхвалении власти» (с. 241). Поиски истоков преступности в «роскоши низших классов» (?), в развлечении и упадке нравов, подобному тому, что пережила Римская империя, в отравлении джином, сетования о слабостях судопроизводства, за которыми проглядывает желание расширить полномочия правительства, предложения поставить виселицу прямо во дворе Олд Бейли, право же, не выглядят как рыбок в теоретическом осмыслении темы.

Представляется, что оригинальнее смотрятся идеи Джонаса Хэнвея. Его работе «Одинокое тюремное заключение» посвящена пятая глава книги. В многостороннем творчестве этого мыслителя тема наказания лежит на периферии интересов, он обратился к ней за несколько лет до смерти. В основе аргументации Хэнвея лежал принцип веры. Будучи противником смертной казни, критически оценивая эффективность каторги и телесных наказаний, он приступил к разработке проекта тюрьмы как исправительного заведения, описав архитектуру, устройство, регламентацию заключения, в том числе женщин с детьми, подчеркнув предпочтительность одинокое заключения. В основу исправления он помещал моральное наставление. С. Васильева и И. Эрлихсон отметили, что труд Хэнвея стал одним из источников для книги «Надзирать и наказывать» М. Фуко.

Вниманием не обойден самый знаменитый британский реформатор пенитенциарной системы Джон Говард. О его главной работе «Состояние тюрем в Англии и Уэльсе» повествуется в шестой главе. Авторы называют Говарда создателем социологического метода в криминологии, подчеркивают, что его система была развита другими практиками тюремного дела не только в Англии, но и в других странах. Под влиянием евангелизма он, как и Хэнвей, выступал против смертной казни, разрабатывая проект идеальной тюрьмы, отдавал преимущество содержанию в одиночной каме-

ре (для предотвращения «морального заражения»). Как и Хэнвей, он придавал исключительное значение моральному наставлению заключенных. Будучи врачом, Говард много писал о санитарных условиях. Главными фигурами в системе перевоспитания преступников должны были стать, по его мнению, капеллан и врач. Однако настоящей «изюминкой» его концепции являлась идея о важности использования коррекционного потенциала трудовой деятельности для исправления осужденных. С. Васильева и И. Эрлихсон справедливо отметили близость проектов Хэнвея и Говарда. Действительно, их труды по рассматриваемому вопросу вышли с разницей всего в год. Хотелось бы знать, были ли эти люди связаны, имело ли место интеллектуальное общение между ними. Авторы рецензируемой монографии склонны считать, что к их мнению прислушивался даже парламент и акт 1779 г. знаменовал переход «от репрессии к пенитенциарной системе современного типа» (с. 342). Нет ли здесь противоречия с тем, что во второй половине XVIII в. в Лондоне было повешено в пять раз больше преступников, чем в 1701–1750 г. (эти данные можно найти, например, в известной авторам книге В. Гэтрела)?

Почти половина седьмой главы, посвященной Иеремии Бентаму, создателю концепции утилитаризма, одному из основателей идеологии либерализма, отведена экскурсу об отношении к принудительному труду. В нем представлены взгляды по этому вопросу от Т. Мора до старших современников Бентама, экономистов и юристов. Кстати, об упомянутом Дж. Беллере есть отличная монография Т.А. Павловой, которая не учтена в библиографическом списке. По мнению авторов «Преступления и наказания», новизна взглядов Бентама состояла в рационализации идеи принудительного труда. Выделяя экономическую и нравственную составляющие, он ставил на первое место не устрашение, а вознаграждение (с. 368), причем считал, что даже обращение к Библии или благочестивым книгам могло быть вызвано желанием бездельничать. Также они считают заслугой Бентама постановку проблемы профессиональных различий между арестантами. Бентам не проводил грань между преступником и нищим, и в этом, наоборот, мало оригинального. Кроме «Замечаний» на проект парламентского билля, написанных в 1777 г., перу Бентама принадлежит работа «Паноптикон», представлявшая собой программу создания исправительного дома для преступников, которую пронизывает стержневая идея – буквально ежеминутный контроль над каждым заключенным. Это подтверждает концепцию

Фуко, считавшего наблюдение основой современных дисциплинарных технологий, а современную тюрьму их образцом. Авторы показали, что Бентам увлекся проектом, предпринял шаги (в конечном счете неуспешные) для его реализации, сотрудничал с видными квакерами, в том числе с У. Алленом, основавшим в 1816 г. «Общество улучшения тюремного содержания».

Глава восьмая дает некоторое представление о восприятии в английском обществе идеи реформирования пенитенциарной системы и их (не) популярности. В ней рассмотрены трактат священника, юриста по образованию, Мартина Мэдана «Размышления об исполнительном производстве» и сочинение Самюэля Ромилли, парламентария и также юриста, «Обзор недавней публикации», содержащее его критику. Мэдан выступил как ярый противник нововведений, твердо убежденный в том, что причина роста преступности кроется в недолжном исполнении законов, в отсутствии твердости у судей, которые часто уступают чувствам вместо того, чтобы руководствоваться исключительно законом. В результате утрачен авторитет закона. Выступая против реформ, Мэдан полагал, что «благоразумным гражданам» стоит не сетовать о суровости законодательства, а «уповать» на него. Ответ Ромилли содержал, как пишут С. Васильева и И. Эрлихсон, «впервые с научно-теоретических позиций» обоснование закономерности: суровость наказания не ведет к снижению преступности, скорее наоборот. Наказание должно определяться принципом соразмерности. Он приводил пример Англии, где наказания суровы, но краж и грабежей больше, чем в других странах. Кроме того, устаревшие законы нужно отменять или изменять. Если верить авторам рецензируемой книги, трактат Мэдана имел огромный успех, а критика Ромилли осталась почти незамеченной. Хотелось бы глубже понять причины этого, ведь если судить по предыдущим главам, намерения реформ опирались на широкую общественную поддержку.

В завершающей самой краткой девятой главе рассмотрены два труда священника Джона Брюстера «О предотвращении преступлений и преимуществвах одиночного заключения» и «Проповеди для тюрем»; последнее было адресовано тюремным пасторам и узникам. Он был противником смертной казни и содержание в полной изоляции считал необходимым условием для исправления путем осознания собственного греха. Авторы называют его создателем «теологии тюрьмы»: он разработал содержание проповедей тюремных священнослужителей.

Наряду с частными замечаниями хотелось бы поставить несколько более общих вопросов, которые могут быть предметом обсуждения. Во-первых, действительно ли преступность в Англии была ужасной по сравнению с другими странами? Ситуация живописуется следующим образом: «Реальность в своем неприглядном проявлении превосходила самое смелое воображение. Дороги кишели шайками разбойников, останавливавших почтовые кареты и расправлявшихся с пассажирами при намеке на сопротивление. И в предместьях больших городов, и на центральных улицах прохожим грозила опасность быть ограбленными и убитыми» (с. 59). Леденящие душу оценки звучат в разных главах. Не является ли такое представление отчасти следствием того, что англичане рассуждали о состоянии преступности более открыто, чем современники на континенте? Некоторые путешественники считали Англию безопаснее других стран, но и мнение о толпах нищих, проституток и воровских шайках было распространено широко. Косвенным доказательством превосходства Англии в сфере преступности служит жестокость уголовных законов и широкое применение смертной казни. Английские комментаторы разъясняли: более широкое, чем на континенте, применение смертной казни компенсирует слабость полицейского контроля как условия сохранения личных прав свободнорожденных англичан. Вопрос об уровне преступности в Англии может обсуждаться, но не стоит изображать положение в апокалипсических тонах.

Во-вторых, не всегда убедительно использование авторами трудов по криминологии, психологии и смежных областей. Его алгоритм, как правило, таков: дается пример преступления или биографические сведения о преступнике, а затем подбирается тезис из современной литературы по праву, якобы помогающий раскрыть личность преступника и характер преступления. Нельзя быть уверенным в том, что представления, бытующие в криминологии в наши дни, универсальны и адекватно отражают контекст XVIII в. Действительно ли цитирование из работы российского криминального психолога о чертах преступника-рецидивиста (начало «преступной карьеры» в несовершеннолетнем возрасте, низкий образовательный и культурный уровень, деформация нравственного сознания и отсутствие стимулов к трудовой деятельности) помогает понять некоего Джона Ланкастера, повешенного в Тайберне в 1748 г., даже при внешних совпадениях (с. 86)? Нельзя быть уверенным, что в основе «поведенческой стратегии» Шеппарда был «ярко выраженный

эскапизм» в его «протестной модели», выражающийся в несогласии с «удушающей атмосферой многочисленных запретов и монотонности вяло-текущего времени» (с. 169–170). Относясь с интересом к концепции Ф. Ариеса о типах смерти, все же считаю натяжкой объяснение поведения Уайлда на эшафоте наступлением эпохи смерти «далекой и близкой» (с. 187). Над этим можно размышлять, взяв непосредственно книгу мастиготского французского историка и внеся ее в библиографию. Кстати, есть опечатка по поводу даты казни Уайлда: 1724 г. (с. 189) и 1725 г. (с. 172, 197). Надо все время помнить: «Ньюгейтский календарь» или сочинения Дефо – литературные произведения, и трудно сказать, что в них осталось от «реальных» шеппардов, ланкастеров или уайлдов. Преувеличенно звучит утверждение, что «Ньюгейтский календарь» «является уникальным свидетельством эмоционального режима, в котором функционировала рассматриваемая эпоха. Эмоции универсальны и атемпоральны» (с. 64). Кстати, культурная история эмоций указывает на обратное: темпоральный и контекстный характер эмоций. Стремясь сделать доводы убедительнее за счет «смежной» литературы, авторы подчас уведывают читателя в сторону, например отведя несколько страниц сравнению Дефо и Диккенса.

В-третьих, авторы определяют теоретические подходы к изучаемой теме, но, как показалось, не расставляют точки над *i*. Они выделили три самые влиятельные интерпретации причин преступности: бихевиоризм, связываемый, в частности, с именем Ч. Ломброзо, который объяснял ее изначальными свойствами природы отдельных людей; либеральный, или социальный подход, возлагавший ответственность на неблагоприятную среду; и марксистский, связывающий проблему преступности со складыванием капитализма. Авторы более-менее отделили себя от первого подхода, но недостаточно четко обозначили собственные позиции. Судя по характеру сносок на классиков марксизма, марксистский подход они готовы принять как основной. Разумеется, это право любого автора, но возникают некоторые вопросы. Процитировав знаменитое высказывание из «Манифеста Коммунистической партии» о разрушении буржу-

азией патриархальных идилических отношений, авторы книги продолжают: «Их (женщин. – А.С.) тело и душа – капитал для эксплуатации, они являются не активным субъектом, а объектом для обладания, товаром, чью стоимость в конечном счете определяют мужчины. И по факту, цена, которую платит женщина за выживание в буржуазном мире, где традиционные нормы постепенно вытесняются новой индивидуалистической идеологией, крайне высока – полная утрата личности» (с. 104). Не правда ли, такой подход в марксистско-феминистском духе упрощает дискурс о «самой древней профессии» и женской преступности, и вообще о природе женщины? Наше общество по сути буржуазное, но разве мало женщин преуспело в нем не продажей собственного тела? Напомним, что М. Вебер, на которого авторы тоже ссылаются, призывал не путать капитализм и жадность, ибо стремление набить карманы существовало во все времена, а этика капитализма предопределила непоследовательную гуманизацию, в том числе в вопросах положения женщин. Этот факт плохо стыкуется с цитатой, которую авторы поддерживают: «Капиталистический строй формирует у человека вампирические наклонности, в том числе вуайеризм» (с. 125). Сказано сильно, но что под этим подразумевается, можно только догадываться. Небесспорно сравнение «Ньюгейтского календаря» с реалити-шоу, когда «внимание зрителей приковано к безобразному и аномальному», что якобы реализует «коллективную психотерапевтическую функцию».

Есть небрежности в оформлении работы. Как правило, нет необходимости переводить на русский названия мест («Средний Темпл» – почему тогда не Мидл Храм?) или журналов («Боец»). Стоит ли придумывать такие выражения, как «отзеркалить» (с. 400) или «ветеран криминального мира» (с. 401)? Почему в сноске на «Манифест Коммунистической партии» и в библиографии впереди Энгельс потом Маркс? Несмотря на отмеченные недостатки, книгу С. Васильевой и И. Эрлихсон можно рекомендовать специалистам и студентам-историкам как новаторскую по замыслу, расширяющую представления о британской истории XVIII в.